

*Ирина Владимировна ТРОЦУК —
старший преподаватель кафедры
социологии Российского университета
дружбы народов (г. Москва)*

УДК 316.31.4

СТАЛО ЛИ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ: ВАРИАНТЫ ОЦЕНКИ ИТОГОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой попытку классификации вариантов концептуализации перемен, происходящих в российском обществе в последнее десятилетие.

The article represents an attempt to «classify» approaches to conceptualizing results of postsoviet transformation in Russia in the last decade.

Вот уже более десяти лет, как Россия вступила в новый период своей истории, потребовавший решения не только практических задач, связанных с трансформацией постсоветского общества, но и теоретической проблемы объяснения ее смысла. Исследователи склонны концептуализировать происходящие в российском обществе перемены в понятие переходного периода, в качестве начальных и конечных точек которого выступают «плановая экономика» и «рыночная экономика», «социализм» и «капитализм» и т.п. Поскольку объективность отнесения к той или иной категории весьма сомнительна, дабы не отказываться от самих обозначений, вводятся прилагательные, уточняющие какой именно социализм, капитализм или экономика имеются в виду. Общее мнение состоит в том, что марш-броска из социализма в капитализм не получилось — он был невозможен в стране с нашей историей, социальной структурой, экономикой и т.д.

Работы российских и зарубежных авторов, посвященные проблематике перехода бывших социалистических стран в некое капиталистическое состояние, можно условно разделить на те, что пытаются вывести закономерности постсоциалистического развития на основе анализа конкретных экономических преобразований, и те, что представляют собой достаточно абстрактные теоретические построения, «оставляющие за скобками эмпирическую историю возникновения и самоутверждения «нового русского» капитализма». В качестве иного критерия «классификации» может выступать охват проблематики: одни авторы рассматривают только российскую действительность, проводя некоторые аналогии с другими постсоциалистическими странами; вторые характеризуют капитализм как глобальную систему, лишь вскользь упоминая Россию; третьи стремятся выделить типологические синдромы переходного периода во всех постсоциалистических странах.

Современные концепции капитализма

Термин «капитализм» возник в контексте идейных дискуссий середины XIX в. о путях дальнейшего общественного развития [1]: впервые он появился в социалистической литературе 1850-х гг., широкое распространение получил в начале XX в. благодаря трудам В. Зомбарта и М. Вебера. Если называть капитализмом любую деятельность, приносящую доход, или все, что связано с «капиталом» вообще, то понятие капитализма становится безбрежным, утрачивая специфическую определенность, поэтому более предпочтительно строгое значение капитализма как способа производства, сущностью которого является самовозрастание стоимости. В этом смысле классическим капитализмом можно считать экономический строй, сложившийся в ведущих странах Западной Европы к середине XIX в. С социологической точки зрения, для поддержания капитализма в интегрированном состоя-

нии необходимы три инструмента регуляции: система ценностей, доминирующий буржуазный класс и институты, способствующие социальной, политической и экономической интеграции [2]. Иными словами, капитализм — это не просто форма эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающая в лоне рыночной экономики, а психологическая и социальная стратегия, целостная идеология и далеко идущая схема специфичного мироустройства, подразумевающая системные операции, направленные на контроль над рынком и перманентное извлечение прибыли [3].

Победа либерального капиталистическо-демократического проекта в истории [4; 5] не означает его незыблемости: по мнению Дж. Сороса, сегодня мировая капиталистическая система дезинтегрирована и находится в кризисном состоянии, причиной чего стала слепая и «предвзятая идеология рыночного фундаментализма» [6, с. 16]. Система мирового капитализма «имеет центр и периферию... центр получает выгоды за счет периферии» [6, с. 114] и не ищет равновесия: «стремление к деньгам перекрывает все другие общественные соображения» [6, с. 112], рыночный фундаментализм разъедает существующие политические институты, делает демократию «узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной» [6, с. 16].

Оценка функционирования «свободного рынка» как ведущего к системной дезорганизации позволила сформулировать альтернативную концепцию социально ориентированного рынка, удовлетворяющего человеческие потребности при поддержке государства, регулирующего результаты деятельности и обеспечивающего большее количество общественных благ [2]. Отсутствие альтернативы капиталистической системе не устраняет необходимости создания условий, при которых она может гарантировать эффективную экономику и благополучие большинства членов общества [7].

И. Ставинский [8] видит противоречие современного капитализма в бесконтрольных действиях независимых частных капиталов по отношению к интересам всего общества и считает необходимым их слияние с целью перехода от производства стоимостной прибыли к производству общественной прибыли. М. Денхофф [9] утверждает, что жестокость в повседневной жизни и коррупция растут потому, что конкуренция как идеал рыночной экономики формирует человека-эгоиста — только «цивилизованный» капитализм может остановить разрушительные стихии рынка и вседозволенность с помощью солидаризирующей этики: «как система хозяйства социализм проиграл соревнование с рыночной экономикой, но как утопия, как сумма стародавних идеалов человечества — социальная справедливость, свобода для угнетенных, солидарность, помощь слабым — он непреходящ» [9, с. 29].

П. Хокен, Э. и Х. Ловинс [10] считают главным условием устойчивого развития экономики рациональное использование естественного капитала: нет необходимости отказываться от преимуществ свободного рынка, нужно только более человеческое отношение ко всему живому, в том числе к самим себе — «включение принципов естественного капитализма в наше планирование сделает основы общества более устойчивыми» [10, с. 418].

Л. К. Туроу [11] утверждает, что сегодня взаимодействие новых технологий с новыми идеологиями приводит к исчезновению вечных истин капитализма (экономический рост, полная занятость, финансовая стабильность), а «история учит, что версии капитализма, основанные на выживании наиболее приспособленных, на практике не работают» [11, с. 297]. Поскольку сила капитализма состоит в его способности угождать индивидуальным предпочтениям, а слабость — в отсутствии социального контекста их формирования [11, с. 338], опасность представляет не развал капитализма (это невозможно, поскольку у него нет жизнеспособного конкурента), а нынешнее состояние застоя, которое можно преодолеть только с помощью новых стратегий — «инвестиций не только в немедленных интересах какого-нибудь индивида, но и в долговременных интересах общества» [11, с. 383–385]. Ины-

ми словами, современную стадию общественного развития в Западной Европе некоторые исследователи определяют уже как посткапиталистическую, так как она основана на всеобщем учении о минимализации личностного психологического дискомфорта («несправедливости») [12].

Определения российской «капиталистической» действительности

Существует три подхода к оценке возможностей «капитализации» российского общества: две крайние позиции — «капитализма в России не было никогда» [13] и «капитализм в России полностью вошел в свои права» [14], и выделение нескольких исторических типов капитализма [15]: 1) между революцией 1905 г. и Первой мировой войной; 2) в начале 1920-х гг. (НЭП); 3) новый российский капитализм 1990-х гг. В качестве отличительной черты трех российских капитализмов выделяется склонность эксплуатировать посреднические сферы экономики в ущерб производственным, а также зависимость и опора на государство (успешными стали предприниматели, которым государство даровало особые привилегии).

Теоретико-абстрактный подход к характеристике современного российского общества определяет его как «транзитное» по причине несформированности культурно-нормативной модели [5]: попытка построения постсоветского капитализма «сверху» — проявление неорганической модернизации, ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран [16, с. 20]. Догоняющее развитие России порождает метания русского сознания между стремлением подражать Западу и эмоциональным отторжением западного опыта во имя российской самобытности. Кроме того, в рамках дифференциации западного опыта на американский и европейский, ни в один из которых Россия не вписывается полностью [17], европейский вариант признается более адекватным потребностям российского общества в силу наличия широкой системы социальных гарантий [16].

А. Е. Мушкин [18] утверждает, что социализм и капитализм — это исторически преходящие явления в развитии общества, поэтому современные «шведский социализм» и российский «постсоциализм» — это исторические разновидности переходных форм к постклассовому обществу. Если социализм предполагает господство общественной собственности, то постсоциализм — оптимальное соотношение частной и общественной [18, с. 18]. Переход к постсоциализму закономерен и необратим — «реформы» могут только способствовать или препятствовать ему: ошибочные и вредные «реформы», поспешно разрушившие социалистическую экономику, замедлили преобразования, поэтому постсоциализм будет существовать до тех пор, пока не превратится в полноценную переходную форму [18, с. 19].

Рассмотрение генезиса нынешнего российского капитализма на широком культурно-историческом фоне позволяет говорить о бесперспективности его догматического толкования как «случайного и уникально-неповторимого отклонения от западной модели» [19]. Ю. Н. Давыдов [20] предлагает отказаться от монистической трактовки капитализма, проходящего несколько стадий эволюции, в пользу выделения его типологических форм, различающихся культурно-исторически и социально-экономически. Тогда можно рассматривать российский капитализм как «архаический», поскольку для него характерна полнейшая нравственно-религиозная индифферентность в сфере торговых отношений, непромышленный характер и тесная связь с фискальной политикой государства.

По мнению А. Вебера [1], российские реформаторы придавали установке на «строительство капитализма» универсальное значение, считая, что «весь цивилизованный мир» живет по-капиталистически и это «нормальное» состояние общества. При этом понятие «капитализм» не обсуждалось в содержательном плане: то, что официальная советская пропаганда превозносила как вершину исторического развития, предали анафеме, а то, что ранее подвергалось критике, провозгласили желанной целью [21]. Но за последние полтора столетия в экономических системах Запада про-

изошли существенные изменения: 1) благодаря прогрессу науки и техники изменились типология труда, состав рабочей силы, социальная структура общества; 2) научно-техническая революция создала экономическую возможность перераспределения доходов и уменьшения социального неравенства — воздействие профсоюзов, рабочих партий и государства позволило ее реализовывать; 3) преимущественное значение приобрела ассоциированная собственность (акционерная, корпоративная и т.п.). Перед нами уже не классический капитализм, а многообразие капиталистических и некапиталистических тенденций. Этому не учитывала российская стратегия экономических реформ, что повлекло за собой, в частности, разрушение тех элементов прежней системы, которые следовало сохранить и использовать, — в итоге в России утверждается разновидность «нерационального капитализма» — *асоциальный капитализм* [22] *торгово-финансового характера* [1].

В рамках *инструментального подхода* А. Ослунд [23] выделяет три пути построения капитализма в посткоммунистических странах: 1) радикальное реформирование; 2) восстановление деспотического государства; 3) извлечение экономической ренты. Несмотря на множество диспропорций и недостатков (коррупционность властей, рост дифференциации доходов населения), в последнем случае страны, в частности Россия, смогли сформировать рыночную экономику, в которой обострение конкуренции между олигархическими группами может со временем привести к исчезновению ренты. Разные результаты трансформации постсоциалистических стран Ослунд связывает не столько с разными начальными условиями [24, с. 251–255; 25], сколько с различными, намеренно избранными правительствами экономическими программами. Одна группа программ учитывает интересы узкого круга влиятельных лиц; вторая — потребности широких слоев общества [23, с. 526]. Во всех посткоммунистических странах номенклатурные сетевые структуры были первыми, кто извлек выгоду из переходного периода благодаря плотности сетевых связей, доступу к конфиденциальной информации, отсутствию верховенства права и неопытности и коррупционности политической элиты [26]. Россия переживает экономический спад и стагнацию, поскольку провела частичные реформы [23, с. 239] по причине наличия устойчивых сетей взаимоотношений на разных уровнях и связанных с ними паттернов поведения [27]. Возникающий в условиях капитализма неофициальный сектор экономики [28] в России стал выполнять системообразующую функцию «склейки» экономики с политикой и правом [29].

Преобладание в экономике неформальных отношений [30] позволяет исследователям характеризовать российский капитализм как «*периферийный*» [31], «придаток глобального капитализма», живущий за счет проедания запаса производительного капитала, созданного еще при социализме [15]; как «*грабительский*» капитализм [6, с. 169], результат отрыва экономической модернизации от модернизации социальной и политической. Мировая капиталистическая система озабочена всемирным функционированием капитала и способна адаптировать к себе любые общества и структуры, но догоняющая модель развития нигде не производит капитализма западного типа [32, с. 18], поскольку решением задач догоняющей модернизации капитализм не озабочен [33; 34] — на пространстве бывшего СССР он был построен на локальных традициях и воплотился в «диких» и квазикапиталистических формах [7; 35].

Чистого капитализма, свободного от государственного и криминального вмешательства, не существует, но российский капитализм гиперболизировал эти характеристики [36]: в России не сложился до конца институт частной собственности; доминируют отношения господства и подчинения; теневая экономика оказывается не криминальной, а респектабельной и необходимой экономической деятельностью. Б. Родман определяет современный российский капитализм как «старый знакомый *государственный капитализм*, заинтересованный в авторитарном политическом режиме и не озабоченный правами человека» [37], который проматывает свое природ-

ное и культурное наследие и создает миф о «переходном периоде» [38], чтобы заманивать инвесторов и обнадеживать обнищавшее население.

В. Банс характеризует нынешний период в постсоциалистических странах как переходный [39], поскольку, в отличие от государственного социализма (определенность итогов гарантирована определенностью процедур) и либерально-демократического капитализма (определенность процедур не гарантирует определенных результатов), здесь неопределенность результатов сочетается с неопределенностью процедур. Первая обусловлена либерализацией политической и экономической сфер и скоростью перемен; вторая — причудливостью бюрократического наследия, недостаточностью времени и отказом от выработки четких процедур ради получения скорейших результатов.

Ошибку российских реформаторов исследователи видят в том, что они не учитывали сходных черт социализма и государственно-монополистического капитализма, например, «существование параллельных неформальных сетевых структур, связывающих предприятия и обеспечивающих выполнение заданий при социализме... которые могли стать действующим активом, ресурсом и основой для возникновения прочных и надежных экономических отношений и согласованных действий» [26, с.128]. Российский капитализм стал «уродливым гибридом коррумпированной и командной экономик» [15] — его можно обозначить как *номенклатурный* — костяк новой политической и финансовой элиты составила советская номенклатура [2; 22; 40], которая не уважала частную собственность и не была заинтересована в создании цивилизованного капитализма. «Клановый», или «олигархический», характер российского капитализма исследователи связывают с тем, что ослабленное государство в эпоху социальных и экономических трансформаций не препятствовало таким явлениям, как стихийная приватизация и обогащение олигархов за счет отданных государством ресурсов [41].

Основную причину неудач экономических преобразований, направленных на капитализацию российского общества, исследователи видят в отсутствии адекватных культурных образцов [42, с. 11]: капитализм не только рынок, частная собственность и прибыль, а совокупность определенных ценностей [43, с. 447], поэтому капитализм западного типа не может существовать в России из-за иных духовно-культурных оснований [44, с. 151], а формирование капиталистического этоса требует огромных усилий и времени [45, с. 138].

Выводы

В последние годы накал споров о характере российских преобразований в целом снизился, хотя завершение десятилетия реформ сопровождается преимущественно стихийной и «заочной» (литературной) дискуссией относительно эффективности применявшейся с начала 1992 г. модели реформирования [46]. Большинство исследователей, рассматривая «современное капиталистическое общество как наиболее прогрессивную экономическую систему, но далекую от логического совершенства» [8, с. 88], указывают на необходимость критического настроения по отношению к ее базовым ценностям [9, с. 19]. Рекомендации относительно будущего этой системы в России сводятся к тому, что государство должно взять на себя повышенные социальные обязательства и освободить граждан от произвола бюрократии [7].

Ожидания автоматического становления капитализма просто в силу окончания исторической конфронтации коммунизма и капитализма [45, с. 138] и проведения ценовой либерализации и приватизации были наивны. Финансовый кризис 1998 г. показал, что успехи строительства капитализма были переоценены, хотя в целом ход реформ необратим [45, с. 143]: приватизация произошла, рынок складывается, строительство «основ капитализма» завершается — начинается консолидация сложившейся общественной системы и пересмотр итогов политики с целью гуманизации общественного строя [47, с. 10].

Современный глобальный капитализм существует в двух локальных проявлениях: Д. Лэйн [2] обозначает их как конкурентный (США) и корпоративный капитализмы (Германия, Япония); М. Альбер [4] — как «рейнскую» (европейскую) и англосаксонскую (американскую) модели. Крах коммунизма привел к противопоставлению «американской» модели, основанной на личном успехе и краткосрочной финансовой прибыли, и «рейнской», базирующейся на коллективном успехе, согласии, заботе о долгосрочных результатах. Первая модель выглядит внешне более привлекательной [4, с. 203], поскольку способствует предприимчивости [43, с. 448], «рейнская» модель, синтез капитализма и социал-демократии, более стабильна, сильна, динамична и ориентирована на инвестиции в будущее [4, с. 27].

Российские реформаторы попытались реализовать первую модель, но полностью она в России невозможна хотя бы потому, что российские предприятия включены в оставшуюся от прошлого систему социального обеспечения. Лучшим сценарием стабилизации России считается «вписание» наследия государственного социализма в структуру кооперативного капитализма, т.е. установление экономической системы с ограниченным рынком, регулирующим государством и экономическими институтами кооперации [2]. Поскольку в ближайшее время надобность в «социальных» функциях государства едва ли отпадет на том основании, что они не соответствуют законам «совершенной» рыночной конкуренции, «рейнская» модель кажется более предпочтительной для России. Кроме того, российская рыночная трансформация испытывает трудности, потому что государственная машина не выполняет те функции, без которых немислимы современный рынок и экономический подъем (создание конкурентной среды и здоровой платежной системы, разработка и обеспечение соблюдения законов, проведение эффективной политики доходов, поддержка предпринимательства) [25].

Дилемма «капитализм-социализм» в России сегодня неприменима, ибо общество неизбежно будет носить черты того и другого: социалистические идеалы сохраняются в сознании людей как вера в возможность справедливого общественного устройства, в котором осуществляются социально приемлемая система распределения, государственная поддержка нетрудоспособных и малоимущих. Эту веру подкрепляет эволюция капитализма: западные общества стали более однородными с точки зрения качества жизни и потребления; в тех областях, где рынок обнаружил свою несостоятельность, регулирующие функции взяло на себя государство. В современном типе капитализма либерально-рыночная и социалистическая тенденции сосуществуют и находятся в динамичном равновесии.

Капитализм — это идеальный тип, никогда не реализованный в истории [35, с. 28]. Капиталистическая и социалистическая экономики не являются непримиримыми системами — обе вынуждены образовывать капитал и учитывать социальные потребности, обе нуждаются в общественном согласии для нормального функционирования [35, с. 270]. Перед Россией стоит задача нахождения эффективного сочетания саморегуляции и регулирования [48], создания смешанного общества с рыночной экономикой. Называть ли его «социалистическим капитализмом», «демократическим капитализмом», «демократическим социализмом» или как-то иначе — не имеет значения, поскольку экономика большинства стран мира представляет собой ту или иную комбинацию рыночных и нерыночных факторов, частных и общих интересов, эффективности и справедливости как противоречащих, но не взаимоисключающих сущностей [1]. Исторически-созидательные потенции капитализма для России еще не ясны, но, поскольку функции капитала в России объективны, как и во всем мире, вопрос состоит в том, какой ценой утвердятся капитализм [45, с. 143].

Приложение понятия капитализма к российскому обществу позволяет вписать российскую трансформацию в целый класс переходных, постсоциалистических обществ; анализировать развитие России в контексте мировых глобализационных процессов, выявляя в нем общее и особенное; трезво и непредвзято оценивать советский период как особую модель модернизации на госкапиталистической основе. К несом-

ненными достижениями последних лет можно отнести преодоление иллюзии, что рыночные механизмы способны автоматически обеспечить и экономический рост, и благосостояние населения, и политические свободы, и социальные гарантии, и права личности и т.д. Российский переход к капитализму преодолевает одни проблемы, но порождает и умножает другие. Категория капитализма сохраняет свою диагностическую ценность применительно к «глобальной» и российской проблематике [49, с. 37], но важно осознавать ограничения «капиталистической» объяснительной схемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер А. Какой тип общества нужен России // Обозреватель. 1998. №2.
2. Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством // Мир России. 2000. №1.
3. Неклесса А. Трансмутация истории: 11 сентября 2001 года в исторической ретроспективе // Новый мир. 2002. №9.
4. Альбер М. Капитализм против капитализма / Пер. с фр. Л. С. Горшковой; под ред. В. М. Гальперина. СПб., 1998.
5. Кулагин В. Политические режимы и внешняя политика // Pro et contra. 2003. Т. 8. №1.
6. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма (Открытое общество в опасности) / Пер. с англ. С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца. М., 1999.
7. Явлинский Г. Как реорганизовать периферийный капитализм // Московские новости. 2003. 1–7 июля.
8. Ставинский И. Капитализм сегодня и капитализм завтра. М., 1997.
9. Денхофф М. Границы свободы / Пер. с нем. М., 2001.
10. Хокен П., Ловинс Э., Ловинс Х. Естественный капитализм: грядущая промышленная революция / Пер. с англ. В. Д. Новикова; под ред. Г. А. Месяца. М., 2002.
11. Туроу Л.К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Пер. с англ. А.И. Федорова. Новосибирск, 1999.
12. Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
13. Кургинян С. Развитие капитализма в России // Правда. 1998. 16 июня.
14. Якушев Д., Манчук А. Партии и классы перед выборами в Государственную Думу // Коммунист.ру, № 72 (от 10.03.2003) // www.kommunist.ru.
15. Меньшиков С. Российский капитализм сегодня // www.netda.ru/belka/economy/menshik/rus-cap9.htm.
16. Дилигенский Г. Хочет ли Россия дружить с Западом? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №4.
17. Малявин В. Русский мир // Эксперт. 2003. №45.
18. Мушкин А. Е. Две дороги к одному будущему человечества: социализм с его «пост-социализмом» и капитализм с его «шведским социализмом». СПб., 1997.
19. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и «новый русский» капитализм // www.sociology.org/ICAAP.
20. Давыдов Ю. Н. Куда пришла Россия: два типа капитализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. №1.
21. Вебер А. Б. Неклассичность современного капитализма // Новое и старое в теоретической социологии: Кн. 1 / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1999.
22. Микульский К. Асоциальный капитализм: есть ли выход? // Независимая газета. 2003. 30 окт.
23. Ослунд А. Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока / Пер. с англ. Н. А. Ранневой, А. Ю. Молоканова; под ред. И. М. Осадчей. М., 2003.
24. Бальцеревич Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох / Пер. с польск. М., 1999.
25. Мюллер К. Трудный путь России в Европу // Неприкосновенный запас. 2003. №4.
26. Stark D., Brust L. Post-socialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge University Press, 1998.
27. Беляев Э. В. Трансформация: у каждой страны уникальный путь // Социс. 2002. №10.
28. Рывкина Р. Российское общество как теневая социально-экономическая система // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №4.
29. Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социс. 2002. №4.

30. Немцов Б. Кризис российского капитализма. Два сценария выхода из создавшейся ситуации // Независимая газета. 2003. 30 июля.
31. Явлинский Г. Периферийный капитализм. М., 2003.
32. Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. №4.
33. Бобков Ф. Д. и др. Современный глобальный капитализм // Ф. Д. Бобков, Е. Ф. Иванов, А. Л. Свечников, С. П. Чанлинский. М., 2003.
34. Капустин Б. Г. Посткоммунизм как постсовременность (российский вариант) // Полис. 2001. №5.
35. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Мн., 1998.
36. Косалс Л. Теневая экономика как особенность российского капитализма // Вопросы экономики. 1998. №10.
37. Родоман Б. Идеальный капитализм и российская реальность // Неприкосновенный запас. 2001. №3.
38. Яницкий О. Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М., 2001.
39. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. №1.
40. Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation // Theory and Society. 1995. №24.
41. Крыштановская О. В. Трансформация бизнес-элиты России: 1998-2002 // Социс. 2002. №8.
42. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2000. №1.
43. Новак М. Дух демократического капитализма / Пер. с англ. В. Г. Марутика. Мн., 1997.
44. Кулинченко В. А., Кулинченко А. В. О духовно-культурных основаниях модернизации России // Полис. 2003. №2.
45. Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. 2003. №1.
46. Куликов В. В очередной раз о характере реформационных преобразований российской экономики и об их уроках // Российский экономический журнал. 2003. №1.
47. Перегудов С. П. Крупная российская корпорация в системе власти // Полис. 2001. №3.
48. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева; под общей ред. С. Е. Федорова. СПб., 2002.
49. Давыдов Ю. Н. Современность капитализма // Новое и старое в теоретической социологии: Кн. 1 / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1999.